

СЦЕНА 1

Егор Матвеев, 43 года

...Ну надо же — и здесь собаки. Тоже ждешь... Сейчас встретимся. Интересно, с кем. Я вот думаю, неужели Он и правда по образу и подобию, тьфу, наоборот, ну ты поняла.

Честно говоря, если по образу и подобию, то как-то не очень получилось. Я, знаешь вот, инженер и могу сказать, конструкция очень хреновая. Ломается чуть что, и запчастей не найти, а главное — ну никакой предсказуемости. Мне приятель со «скорой» рассказывал, привозят к нему за день двоих. Один с пятого этажа упал, представляешь, придурок решил посмотреть, нет ли очереди за пивом. Ну вот и посмотрел. А второй лампочку на кухне решил поменять, стул на стол поставил, рухнул. Так у того, что с пятого этажа свалился, сломана лодыжка, а у второго — шея.

Парализован на всю жизнь. Какое уж тут подобие.

А собак я не люблю. Нет, конечно, вы добрые, но уж очень мне жизнь поломали твои братья. Точнее — сломали. У меня жена рожает, я в роддом лечу и собаку сбиваю... Ну торопился я, а жена просила при родах поприсутствовать. Не знаю, зачем ей это сдалось. Чего там смотреть.

Но попросила. Я поехал и собаку сбил. Шавку какую-то, сама под колеса прыгнула, бездомная. Визг еще такой... Знаешь, я до сих пор помню этот визг. Я машину тормознул, вышел, она лежит, скулит, ноги не шевелятся, еще бы, такой удар был. Ну что мне делать? Жена в роддоме, а эта тут помирает. Я ее на травку положил, сел за руль. И не могу я ее бросить. Как тут бросишь? Решил: сам кончу, чтоб не мучилась. В детстве у бабки каждое лето щенков с котятами топили, и ничего. Бабка за это картошку жарила. Не утопишь, не пожрешь. Думал, легко задушу. А она, сука, прямо в глаза смотрит и скулит, больно, наверное. Мне уже из роддома звонят, ну что мне делать, я глаза закрыл, начал душить, а она обоссалась, люди тоже так, говорят, если вешаются. Ну, короче, не смог я. Звоню в роддом, спрашиваю: «А можно я собаку сбитую привезу?» Меня, знаешь, обматерили. Говорят, у нас

роддом, а не ветеринарная клиника! А то я не знаю.

Знаешь, у нас люди странные. Иногда лежит человек на улице, помирает, никто не поможет, а иногда мужа-алкоголика, скотину, баба всю жизнь тянет. Не поймешь нас. Так и тут. Ну вот что мне делать: убить не смог, бросить тоже, в роддом не взяли, поехал в ветеринарную. Приехали, врач спросил: «Ваша собака?» Я говорю: «Нет, бездомная, просто подобрал». Он и ушел. Я, если честно, даже не понял, думал, ну еще пять минут подожду и поеду. Я сижу. А должен в другом коридоре сидеть. Жене попросил передать все, как есть, мол, рожайте без меня, я собаку спасаю. Ничего не ответили. Да, я ее понимаю, надо было нормально машину вести, я, конечно, выпил, что уж там, на радостях, ну немного так... Ну как немного — в общем, выпил. До роддома два километра, думал, доеду. Доехал... Я врачу стучу, говорю: «Мне ехать надо, что там? Можно я поеду?» А он говорит: «Нет, тело забрать надо». Он ее просто усыпил. Даже спасти не стал. Удивился только: «Сказали же, что не ваша собака, я и понял, что никто ее выхаживать не будет». Ну кто же знал-то?! Конечно, я бы ее выходил! Что же сразу усыплять-то?.. А он такой: «Ну, минимальный вред». Я даже запомнил. Минимальный вред.

Я его хотел было об стену головой, чтобы тоже минимальный вред. Сдержался.

Вышел, лечу в роддом, жена звонит, говорит: «Что, мудило? Ни при родах не был, ни при зачатии». Я так обалдел, что в столб и въехал, лежу, ногами пошевелить не могу. Думаю, эх, того бы доктора с минимальным вредом сейчас. А рядом люди идут, мимо все, один, правда, стал помогать, но машина загорелась, он убежал. Я думал, он меня вытащит... но... мне даже кажется, он мне в глаза посмотрел. И вот, знаешь, я как подумал, что сгорю живьем, и не в танке героем, а в «Ладе» мудаком, так и умер. Повезло. Пощадили меня. Живьем гореть очень больно.

Интересно, она от обиды, или правда не мой ребенок? Как бы узнать? Я не то чтобы зло на нее держу, нет... Ну как-то мне спокойнее будет, может, они мне там соврут, я только рад буду. Ну чего ты так смотришь? У меня колбасы нет. Хорошие у тебя глаза, добрые, как будто все понимаешь. Жалко, конечно, что ту псину просто усыпили, надо было сказать врачу, что я вернусь за ней. Хотя, может, и к лучшему.

Я, кстати, в судьбу никогда не верил, ну, пока вот не умер, точнее, пока не увидел, как тот парень, который меня вытащить хотел, убежал. Я тоже однажды убежал. Как сейчас помню.

Пошел в деревне за водой и вижу: рыбак-мудак под лед провалился, весна уже, солнышко пригрело, а он, дурень, на самую середину озера зашел, ну и... Кричит: «Помогите!» А как я помогу? Надо же к нему ползти, а если сам провалюсь? Тут каждый сам решает. Мне лет семнадцать было, мамка, батя, сестричка, как бы они меня хоронили... Я и побежал, чтобы крик не слышать, хотя я его потом еще долго слышал, лет десять, и, знаешь что скажу, если мне здесь этого рыбака предъявят, я все равно скажу, что правильно сделал. И тот, что меня из горячей машины вытаскивать не стал, тоже правильно. Нельзя свою жизнь на чужую глупость класть. Ну весна, на хрена тебе эта рыба?! Или я — пьяный дурак. Так что все правильно. Не наказывайте пацана, а вот собаку жалко. Надо было сказать, что я ее заберу...

СЦЕНА 2

Стажер

Какое у меня сегодня задание?

Инструктор

Слушать, стажер, слушать. Ты вот сейчас слушал, да?

Стажер

Да. Ниоткуда человек появился. А вы куда-то исчезли, я и слушал.

Инструктор

Молодец, да у меня дел много, я знал, что ты поймешь. Они иногда мысль теряют, так что слушаем внимательно, смерть — все-таки стресс, они же понимают, что умерли, но пока не понимают, что дальше, ну и говорят,

что в голову придет, а мы слушаем и делаем выводы. Так что сиди и вникай. Я снова отскочу ненадолго и присоединюсь.

Стажер
Куда отскочите?

Инструктор
Обед у меня.

Стажер
И здесь есть обед?!

Инструктор
Господи, стажер, я пошутил. Другому стажеру задание дам. Вас много, я один, а покойников каждый день сто пятьдесят тысяч примерно, пока всех выслушаешь...

Стажер
Но не все же говорят! Некоторые молчат и просто думают.

Инструктор
Какой ты смешной. Здесь это не имеет значения. Здесь говорить нечем. У души рта нет.

Стажер

Простите, забыл... Все еще живу земными понятиями.

Инструктор

Ничего страшного. Привыкнешь. Я ушел. Слушай давай, у тебя новенький или новенькая.

СЦЕНА 3

Светлана Рябинкина, 28 лет

Ну и наркоз. Привидится же такое. А девочки предупреждали. Но это не зубы, по местной не сделаешь. Тоска, конечно, у меня в голове, раз такие галлюцинации. Так, минутку. Э-э-э-э... Нет. Нет!!! Нет, нет, нет, нет!!!

Я что, сдохла, что ли?! То есть я натурально сдохла на операции?! В двадцать восемь лет. Мне врач сказал, один случай на миллион! Я что, одна на миллион?! Наконец-то! Одна на миллион. Любая баба мечтает такое услышать. А сдохла-то я из-за этого козла! Точно! Я же конченная дура, я идиотка, в двадцать восемь лет умереть из-за му-дака. Надо мной же все телки ржать станут, это же не похороны будут, а «Камеди клуб». А отчето Светка умерла? Рак? От глупости. Нет, я Макса здесь дождусь и лично ему глаза выцарапаю.

Скотина! Как вспомню его этот взгляд снисходительный. Мол, ну да, Рябинкина, не дал тебе Бог. Ему, можно подумать, дал особо, я же молчала, а он, сука... не молчал.

И я ведь читала, что это все из детства, что у него там в детстве что-то криво пошло, то ли не кормили его нормально, то ли увидел кого-то голую, в общем, я-то не виновата, но мне же больше всех надо!!! Я ведь еще и на свои деньги! Кредит взяла! Господи, ну у тебя же я такая одна, да? Скажи мне: «Света Рябинкина — ты у меня такая одна. Такая идиотка». Это же история для кино. Ради мужика решить сделать себе сиськи нормальные, взять кредит и умереть на операции. И, кстати, вот да! Нормальные сиськи. Девки, не ведитесь на эту хрень. Любые сиськи нормальные! То, что этому недокормышу дойки нужны, это его проблема вообще-то. Я же не просила его член увеличить, а не помешало бы! А нет, говорила, все хорошо!

А он, сука, как на пляж приходил, так на каждую корову глаза сворачивал. А мне что делать?! Доска два соска. Хотя соски красивые. У этих с большими сиськами не соски, а размазня, а у меня — как вишни. Интересно, соски-то остались. Кстати... А ведь правда интересно, успел врач-то импланты вставить? Хоть бы успел. Тогда на похоронах красоткой буду. Э-э-эх, догадался бы кто меня без белья

хоронить или расстегнуть блузку. Сиськи-то стоять будут. Имплантам все равно, живая или мертвая. Фоточки красивые будут. Макс любил большие сиськи... Я ему сюрприз готовила. Представляю его лицо на похоронах, если он мои новые сиськи увидит. Мне кажется, его на всю жизнь колбаснет.

Это все, конечно, если врач честный. Может же импланты и вынуть. Скажет, что умерла до того, как вставили. Хотя они мои. Я триста тысяч заплатила? Заплатила. Не имеет он права их себе оставлять. Но сегодня же никому верить нельзя. Неужели кинет меня?! Не должен. Мне его так рекомендовали. Хороший врач, говорят. То, что я у него на столе умерла, о нем как о враче, конечно, не очень говорит, но, может, хотя бы человек честный. Должен же понимать, что похороны — это самая крутая тусовка будет в моей жизни. Все придут. Однокурсники, одноклассники, родственники, дядя Коля, папин брат двоюродный, лет с тринадцати меня трахнуть пытался, бывший мой... О, его же бывшая припрется! Точно! Вот она точно от зависти сдохнет!!! Прямо на кладбище! Тоже, кстати, доска. Вот Макс невезучий, вечно в селедок каких-то влюбляется. И тут я — молодая, красивая и с новыми сиськами. Жизнь-то удалась. Не зря все-таки к хирургу пошла, на хрен меня девочки отговаривали.

Интересно, а в чем меня хоронить-то будут, лучше бы, конечно, в том платье Баленсиага, только вот где оно... Ой, я же его так из химчистки и не забрала! Вот дура! Оно теперь там и останется! Обидно как, надо было забрать еще вчера, тогда бы точно в нем похоронили, ну не идиоты же все, хотя маме не до того будет, Макс вообще не видел разницы, в чем я хожу. Кроме Карины, никто об этом не подумает. Ну вот как так?! Завещание надо было написать. А ведь шутили с Каришей, музыку еще подбирали нам на похороны, жаль, я ей тогда про платье-то не сказала. Она бы запомнила. Дура! Один раз умираю — и так все провалить!..

СЦЕНА 4

Василий Килькин, 58 лет

Ну всё, конец мне. Подвел я Ивана Сергеевича, он мне пост доверил, а я сбежал и даже не предупредил! Стыдно-то как... Позорно.

Взял вот так и безответственно умер, можно сказать, нарушил партийную дисциплину. Надо собраться и что-то придумать. Здесь же должна быть связь. Ну не может быть, чтобы никакой возможности не было туда что-то передать. Тут не идиоты, тут должны это продумать. Ладно я, а если бы Иван Сергеевич умер, как область без него бы? Должна быть связь! Поищу.

Нет связи. Ничего нет. А еще говорят: у нас воруют. Здесь вообще ничего нет, а наверняка должно было быть, но все растащили, Ивана Сергеевича на них нет! Эх...

Мне просто даже страшно подумать, что там сейчас начнется, как жена утром меня добудиться не сможет. Это ведь ей придется звонить Ивану Сергеевичу, если она еще номер его найдет, надеюсь, тянуть не будет, сначала позвонит Ивану Сергеевичу, а потом уже в «скорую» и все остальное. Ну, она опытная, знает, что делать. Не подведет.

И главное, во сне... Ну вот нельзя было как-то днем, я бы точно успел нужные распоряжения оставить. Юбилей района, не каждый день же такой праздник! А меня главой вот только недавно назначили, я, можно сказать, всю жизнь шел к этому дню и умер прямо в день рождения. А кстати, кто его придумал делать первого октября? Вспомнил, это Сухин, сторож наш, правильно сказал: хорошая дата, первое октября, еще до нас на обычной машине доехать можно, потом уже только на уазике, да и то...

Интересно, Иван Сергеевич-то уже выехал, может, успеют его предупредить? Так неудобно будет, ему два часа трястись, а тут такое, он бы мог столько полезного сделать за эти два часа, он у нас работающий, вся область на нем, а я его подвел.

Люди придут, гости официальные с ним будут, праздник народный, остановку автобуса покрасили, ленточку приготовили, школьный

хор выучил песню наконец, кстати, на стихи Ивана Сергеевича, а глава района струсил, сбежал, считай. Остановку покрасили. Черт, главное, чтобы дождя не было, денег-то на краску нормальную я пожалел, бюджет-то не резиновый, мы пока старой нашей всё замазали. На днях думал немецкую взять у одного из наших торгашей, у него от коттеджа осталось. Но солнце всю неделю, я и рискнул. А вдруг все-таки дождь. Надеюсь, наша сдюжит. Довоенная вроде, тогда еще умели краску делать. Надеюсь... Ну вот что я сэкономил?

Если что от меня в этой жизни останется — так остановка! Когда ее еще покрасят? Лет через двадцать. Умер я, следа не оставил, а если еще и краску смоем дождь, так вообще, считай, и не жил. А если и правда смоет?!

А то я как представлю лицо Ивана Сергеевича, так душа в пятки, хорошо, что здесь меня не достать, а то бы еще раз умирать пришлось... Нет, конечно, удобно, что вот прыгнул сюда — и всё. Раз — и нет никакого Ивана Сергеевича. Ты просто не понимаешь, какой это зверь! Ваш местный суд — это санаторий по сравнению с селектором нашим.

Ну а как иначе областью рулить? Без жесткой руки наш брат мягким становится, податливым на

всякие глупости, начинает думать много лишнего, прессу читать.

Черт, пресса. Эти тоже как узнают, что я умер, поливать область начнут, что, мол, продолжительность жизни в районе низкая, или, еще хуже, что Иван Сергеевич подчиненного довел. Ей-богу, лучше бы меня машина сбила.. Меньше забот Ивану Сергеевичу, и меня нельзя обвинить в неосознанности. Э-э-э-эх, Иван Сергеевич, не сердчай.

Ну, надеюсь, праздник не отменят. Это уже совсем никуда. Можно, кстати, меня одеть и посадить в углу, дескать, жив, просто устал и молчит. А потом уже тихонечко всем сказать. Я бы на месте Ивана Сергеевича так и сделал. Как бы ему эту мысль передать. Нельзя вот так, с делами не разобравшись, уходить. Нельзя. Не по-товарищески. Вот Иван Сергеевич бы так никогда не поступил. Поэтому он и глава области. Надеюсь, он мне выговор посмертно не объявит. А то ведь может. Хотя будет прав. Другим урок. Пусть думают, когда на службу Отечеству заступают.

Ну ладно, буду пока здесь все к приезду Ивана Сергеевича готовить. Вот придет его срок, прилетит он сюда, а я уже здесь: все в деталях продумал, программа по минутам. И скажет мне Иван Сергеевич: «Молодец, Килькин, возьму тебя на

повышение, как обещал». Но это только если краска выдержит. Вернуться бы! Просто купить новую, и всё. За день бы перекрасили. Мелочишка, а вся жизнь по-другому отсюда смотрелась бы. И Иван Сергеевич доволен, и память обо мне хоть какая-то в деревне. Сядет человек в дождь под козырек и подумает: «Спасибо тебе, Килькин. Сижу в красоте. Не зря ты жил».

СЦЕНА 5

Инструктор

Ну как дела?

Стажер

Троих послушал... получается.

Инструктор

Внимательно?

Стажер

Тут сложно отвлечься. А почему один из них как будто собаке рассказывал? Да и остальные, вроде, как кому-то, а здесь же нет никого, а меня они, я так понял, не видят...

Инструктор

Да они все кого-то видят, кто собаку, кто паромщика, кто вообще думает, что в поезде на

тот свет едет. Программа выбирает, кому он или она душу изольет, а мы слушаем, то есть ты. Последнее время что-то собаку все чаще выбирают. А я знаю почему. Привыкли, что их на Земле никто, кроме собак, не слушает.

С т а ж е р

А зачем мне все это слушать?

И н с т р у к т о р

Ты должен будешь сделать выбор.

С т а ж е р

Я? Какой?

И н с т р у к т о р

Именно ты, тебе решать.

С т а ж е р

А что решаю-то?

И н с т р у к т о р

Сейчас вот внимательно. Мы тут нашли некоторые лазейки в Программе. Сразу оговорюсь, это мы ее так называем. Систему устройства Вселенной. Потом расскажу подробно. Так вот в чем суть: иногда появляются

окна времени, и мы можем вернуть человека назад.

Стажер
Совсем?

Инструктор
Так, подожди, у меня срочный вызов, слушай дальше, я вернусь.

Стажер
Ладно.

СЦЕНА 6

Николай Кирпичников, 77 лет

... Вот что я ей тогда не позвонил?.. Ну ведь и телефон был, представляешь, помнил его наизусть лет сорок, получается. Ничего не мог записать, а его не смог забыть: 36-55-14. У них еще тогда по шесть цифр было. Жизнь кажется длинной, а потом вот р-р-р-раз — и сидишь тут, с собакой разговариваешь. Я много раз хотел набрать. А что скажу? «Привет, ты как? Я нормально, женат, двое детей, девочки, внук даже есть. Кого люблю? Девочек? Конечно! Жену? Ну... она — мама хорошая».

А она вдруг мне скажет: «А у меня все плохо, жизнь не сложилась, жаль, ты тогда не позвонил. Я так ждала».

Я-то тогда испугался ответственность взять. У нее ребенок от кого-то, я нищий. Ну куда мне все это было?! Но телефон-то помню.

А уж если ей сейчас плохо, то начал бы себя корить, что во всем виноват, еще полез бы спасать. Точно бы полез. Знаешь, иногда лучше про чужие беды не знать. Просто если знаешь, то не помогать как-то неприлично. А если не знаешь, то какие вопросы...

Надо было позвонить. Хотя бы раз голос услышать. Хотя бы лет через двадцать, еще бы узнал. Сейчас, наверное, уже нет. Да она, может быть, умерла. Ты, может, ее видела. Наверное, сидела вот так, тебе про меня рассказывала, говорила: «Встретишь Колю Кирпичникова, откуси ему... Н-да, если она раньше меня на ваши суды попала и все обо мне поведала, рассчитывать особо не на что будет. Хотя... Если так взять, плохого я ничего не сделал. Разве что надежду дал на какое-то время. Хотя я особо ничего не обещал, просто исчез, перестал трубку брать. А зачем? Только мучить.

Мне кажется, я вот как тогда полюбил ее, так больше никого по-настоящему и не любил. По-настоящему — это только если взаимно. Иначе это все не то. А она меня любила. Вот вы нас, собаки, любыми идиотами любите. И она меня так же.

Надо было набрать.

Я, когда начальника местного тут встречу, обязательно скажу, что предупредить надо о том, что кран выключать собрались. У меня реально минуты две-три было. Так сердце прихватило, что понял — не успеть мне до больницы. Думаю, надо жене позвонить, предупредить, что к ужину не приду. А в голове только ее цифры: 36-55-14. Забыл все остальные номера, а рядом только городской. Ну, я и набрал. А там гудки странные. На ее голос похоже. Я бы, знаешь, просто прощения попросил. Здесь ее нет, у кого попросить... У тебя лишь если. А что ты понимаешь? Молчишь. Дышишь. Хотя чего тут понимать.

Ладно, если ты ее после меня встретишь, передай, что я прощения просил. Пойду я. Поищу, где выход. Запомнила? 36-55-14. Коля Кирпичников. Ах да, зовут ее... господи, как же ее зовут-то?.. Тьфу, вот склероз. Нет, ну подожди. Я не мог забыть. Я, когда умирал, помнил, а сейчас забыл? Так не бывает. Помню, мне имя не нравилось, я еще ее Соней называл.

Да что же это такое! Вот придурок. Уф-ф. Смешно, ей-богу. Я же дочку в ее честь назвал. Это я на нервной почве. Не каждый день умираешь. Галина она.